

О РАННЕМ НЕОЛИТЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ: СТОЯНКА ЯНКИТО-1

**Оксана Вадимовна
ЯНИНА,**
кандидат исторических
наук (г. Санкт-Петербург)

**Мария Павловна
АНДРЕЕВА,**
ст. лаборант МАЭ
(г. Санкт-Петербург)

**Ирина Евгеньевна
ПАНТЮХИНА,**
аспирантка Института ис-
тории ДВО РАН (г. Влади-
восток)

В истории исследования Курильских островов одним из малоизученных остается вопрос о начальном этапе их заселения древним человеком. В условиях, когда на сопредельных территориях — Сахалине и Камчатке, в Японии, Приморье и Приамурье — найдены памятники позднепалеолитического и раннеолитического возраста, отсутствие таковых на Курильских островах, по сути, являющихся мостом между названными регионами, конечно, интригует. В свете сказанного становится понятно, почему подобные исследования приобретают особую актуальность.

В статье речь пойдет о стоянке Янкито-1, найденной в 1980-х гг. на о-ве Итуруп экспедицией МАЭ РАН, возглавляемой Ю.В. Кнорозовым. Во время работ на этой стоянке в размывах культурного слоя были собраны пробы угля, давшие самые ранние для Курильских островов датировки — 6980 ± 50 (LE-3230), 7030 ± 130 (Лаборатория США). Эти даты стали своего рода сенсацией, так как были не только самыми ранними, но оказалось, что между ними и другими известными для Курильских островов датами образовался временной разрыв почти в три тысячи лет (Кнорозов, 1990 а, б; Зайцева и др., 1989). Значение полученных датировок трудно переоценить. С открытием стоянки Янкито-1 исследователям впервые представилась реальная возможность поднять вопрос о раннем неолите Курильских островов. Однако в действительности такой постановке вопроса мешало одно обстоятельство — материалы, собранные на стоянке, оставались неопубликованными, и было непонятно, с каким инвентарем они ассоциируются. Вполне естественно, что в такой ситуации ст. Янкито-1 могла быть отнесена к раннему неолиту лишь «с известной долей условности» (Кузьмин и др., 1998: 91; Кузьмин, 2005: 109).

Значительно позже в печати появилась статья М.М. Прокофьева, посвященная ст. Янкито-1 (Прокофьев, 2003). В ней совершенно

справедливо актуализировалась необходимость более внимательного отношения к ее материалам и приводилась новая интересная информация. Во-первых, автор сообщал третью, еще более раннюю радиоуглеродную датировку этого памятника, также сделанную в лаборатории США, — 7790—5840 гг. до н.э. Во-вторых, был опубликован рисунок фрагмента венчика, найденного в октябре 1990 г. в «северной ложбинке» на глубине 50 см в слое угля. Ссылаясь на мнение японских коллег, М.М. Прокофьев интерпретировал этот венчик как принадлежавший керамике типа Урахоро и датировал эпохой раннего дзедмона. Автор также сообщил, что помимо фрагмента венчика никаких иных артефактов на ст. Янкито-1 найдено не было. Таким образом, в статье М.М. Прокофьева в научный оборот были введены дополнительные данные, как будто подтверждающие, что ст. Янкито-1 действительно является памятником раннего неолита Курильских островов.

В отделе археологии МАЭ РАН хранится архив Ю.В. Кнорозова, посвященный его курильским экспедициям, а также коллекция артефактов, собранных им в ходе работ на Курильских островах в 1988 и 1990 гг. (Кол. № 7253). Эти материалы позволяют существенно расширить представления исследователей о стоянке Янкито-1.

Для начала отметим, что ст. Янкито-1 была обнаружена Валерием Бубновым, школьником из пос. Китового, который в 1982 г. сообщил о своих находках Ю.В. Кнорозову. В том же году исследователь с участниками экспедиции посетил район ручьев Янкито-1 и Янкито-2, где собрал богатый подъемный материал и обнаружил несколько валунов с пиктографическими знаками. Эта местность находится в 2,5 км к северу от пос. Китового перед перевалом к оз. Красивые Глаза. Памятники обследовались археологическим отрядом под руководством В.И. Гуляева, а пиктографические знаки — этнографическим отрядом под руководством Ю.В. Кнорозова (Гуляев, 1982; Кнорозов, 1990 а, б; 1992).

Как следует из отчета В.И. Гуляева, в 1982 г. на берегах ручьев Янкито-1 и Янкито-2 было выявлено три археологических памятника, получивших соответственно названия Янкито-1-2-3. Памятник под названием Янкито-1, где были собраны пробы угля и обнаружена керамика эпохи раннего дзедмона и пиктографические знаки на валунах, оказался самым южным из них. Он занимал ровную площадку морской террасы по обеим сторонам ручья Янкито-1. Поверхность его была задернована. Зачистка естественных обнажений показала, что культурный слой на поселении не превышает 20—30 см (включая дерн), протяженность его составляет примерно 250 м в длину и 80 м в ширину. В общей сложности в 1982 г. было собрано свыше полутора десятков фрагментов лепной керамики с желто-серой и коричневой поверхностью. Фотографии находок представлены в отчете, сами артефакты не сохранились (Гуляев, 1982).

В последующие годы экспедиция Ю.В. Кнорозова работала только на ст. Янкито-1, каждый раз собирая там подъемный материал. Сборы 1988 и 1990 гг. были переданы на хранение в отдел археологии МАЭ РАН. Особый интерес для понимания материалов ст. Янкито-1 представляет соотношение собранного на ней подъемного материала с полученными

радиоуглеродными датами. Очень важно знать, где были собраны пробы угля и сами артефакты.

Из отчетов Ю. В. Кнорозова и его полевых дневников известно, что две пробы собраны им в 1988 г. на левом берегу ручья в склоне берегового обрыва, где обнажились остатки культурного слоя («фрагменты тулова и уголь, мало»), а также на правом берегу ручья в ложбинке в естественном обнажении культурного слоя («ложбинка к северу от ручья, везде размытые камни, очаг с керамикой, большая проба угля, глубина по колено и больше»). В 1990 г. была отобрана еще одна проба, но точное место ее сбора не указано. Полевые шифры, оставшиеся на предметах из коллекции со ст. Янкито-1, свидетельствуют, что часть их была найдена «в северной ложбинке, на глубине 50 см», часть — «на грани обрыва, около камней с надписями», что в целом соответствует местам сбора угля. В архиве сохранился схематичный план ст. Янкито-1 с обозначением мест естественных обнажений культурного слоя, что дает общее представление о возможных местах сбора подъемного материала и угля (рис. 1).

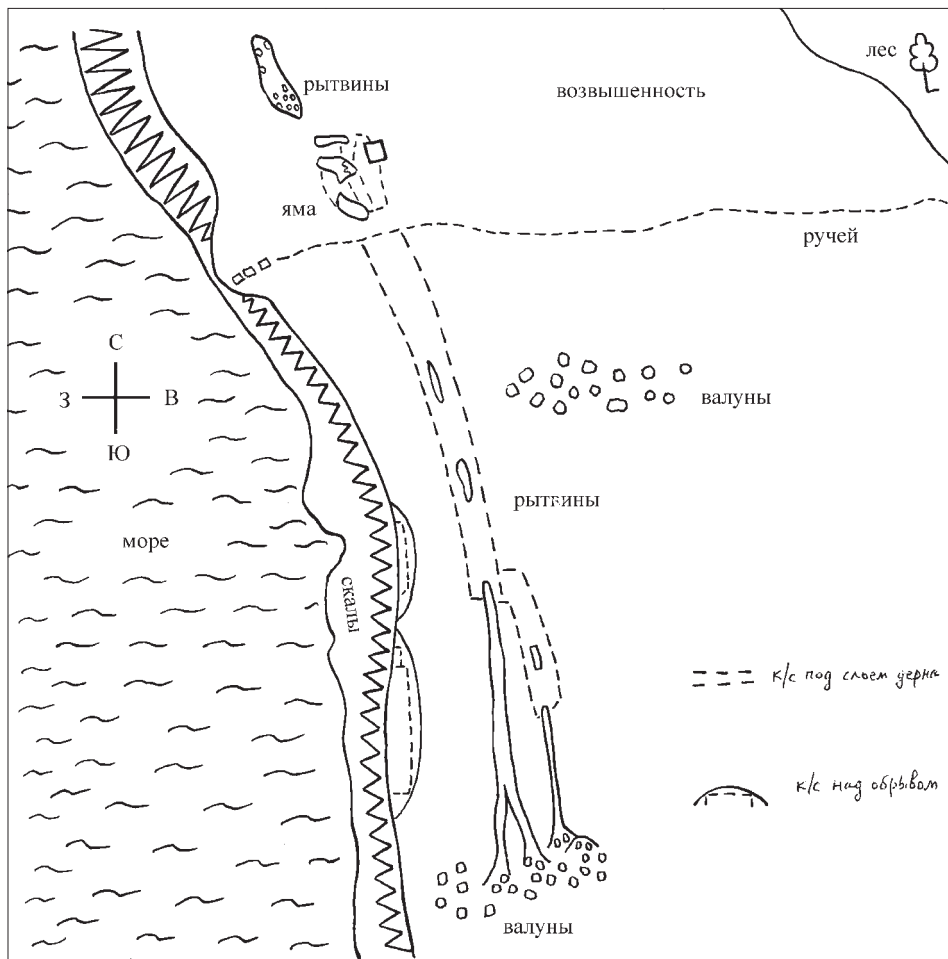

Рис. 1. Янкито-1. Схематичный план стоянки, выполненный В. Бубновым. (Из архива Ю. В. Кнорозова).

Коллекцию каменных артефактов составляют 33 предмета. Изготовлены они из вулканической кремневой породы — уррита (16)*, обсидиана (4) или неопределенных кремневых пород различного цвета (12), одно орудие сделано из песчаника. Большую часть коллекции составляют морфологически выраженные орудия.

Тесловидно-скребловидные орудия представлены одним изделием подтреугольной формы (5,9×3,6×1 см). Заготовкой послужил крупный отщеп уррита. Спинка полностью обработана оббивкой, обушок и боковые края изделия подправлены краевой ударной и относительно мелкой ретушью с вентрала (рис. 2:2).

Несколько артефактов относятся к категории метательных орудий. Среди них выделяется фрагмент крупного (8,9×2,3×1,1 см) наконечника копья удлиненно листовидной формы из уррита, обработанного бифасиальной оббивкой, причем обработка одного бокового лезвия заметно грубее другого. Сечение изделия линзовидное (рис. 2:3). Ретушь, негативы снятий нередко заканчиваются заломами. Оба конца орудия обломаны; на одном из боковых лезвий видны относительно свежие фасетки повреждения.

В коллекции также присутствует фрагмент нижней части копья с небольшой выемкой в основании (2,9×2,3×0,9 см). Артефакт имеет сплошную двустороннюю обработку, сечение линзовидное. В качестве сырья была использована мелкозернистая кремневая порода темно-желтого цвета с белыми крапинками (рис. 3:12). Аналоги подобных орудий встречаются на различных памятниках бассейна Японского моря (см., например: Голубев, Лавров, 1988, рис. 52, 17; Деревянко и др., 1998: рис. СXXXVII, 9; Боднев, 2001, рис. 9, 5—11).

Наконечники стрел представлены семью артефактами. По общей форме их можно разделить на пять типов.

Первый тип — фрагмент наконечника удлиненно-треугольной формы, изготовленный из уррита (3,4×1,7×0,6 см). Одна поверхность его обработана покрывающей параллельной ретушью, вторая имеет сплошную обработку у острия и краевую — вдоль боковых краев (рис. 3).

Ко второму типу относится фрагмент наконечника широкой треугольной формы (1,6×1,4×0,4 см). Изготовлен из обсидиана и имеет сплошную бифасиальную обработку (рис. 3:4).

К третьему типу отнесен наконечник (2×1×0,3 см) из обсидиана, обработанный сплошной бифасиальной ретушью (рис. 3:6).

Четвертый тип представлен тремя черешковыми наконечниками. Все они имеют треугольное перо, отделенное четкими или плавно переходящими плечиками от черешка подтреугольной формы. Один наконечник оформлен на отщепе из мелкозернистой кремневой породы кремового цвета (2,3×1,2×0,4 см). Перо обработано краевой ретушью с дорсала. Черешок также обработан со стороны спинки и имеет вентральную подтеску (рис. 3:8). Второй изготовлен на отщепе из уррита темно-серого цвета (3,8×1,5×0,5 см). Одна поверхность изделия покрыта сплошной рету-

* Определения В. Ф. Сапеги, ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург.

шью, вторая обработана краевой ретушью (рис. 3:2). Третье изделие имеет сплошную бифасиальную обработку пера и насада ($2,2 \times 1,2 \times 0,3$ см). Острие наконечника обломано (рис. 3:9).

Пятый тип — наконечник с листовидным пером, плавно переходящим в треугольный черешок, без четко выраженных плечиков из грубозернистой кремневой породы темно-серого цвета (рис. 4:5). Изделие обработано двусторонней краевой ретушью, насад имеет уплощающую подтеску с вентрала ($2,5 \times 1,4 \times 0,3$ см).

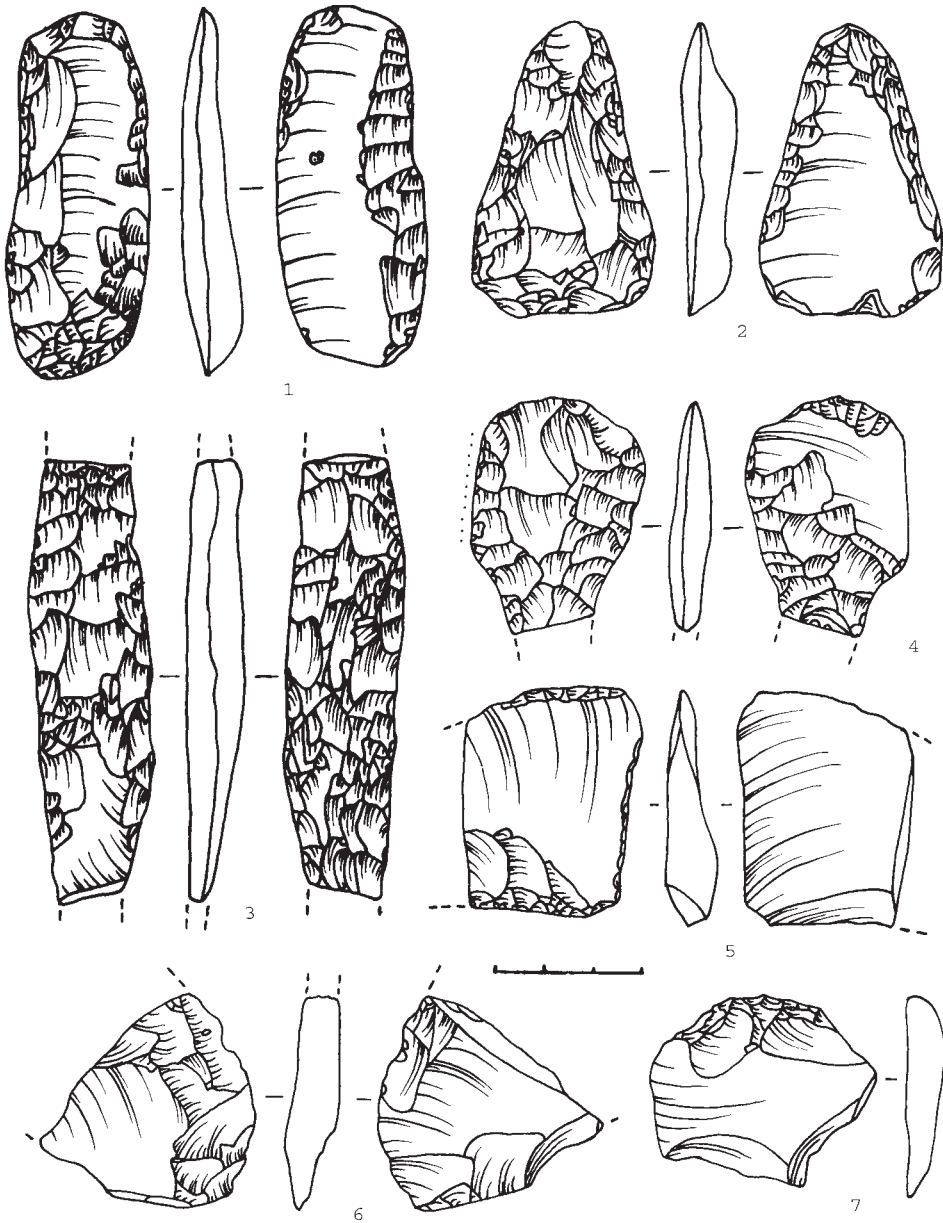

Рис. 2. Янкито-1. Каменные орудия. Коллекция № 7253.

1 — № 423; 2 — № 425; 3 — № 801; 4 — № 800; 5 — № 426; 6 — № 802; 7 — № 424.

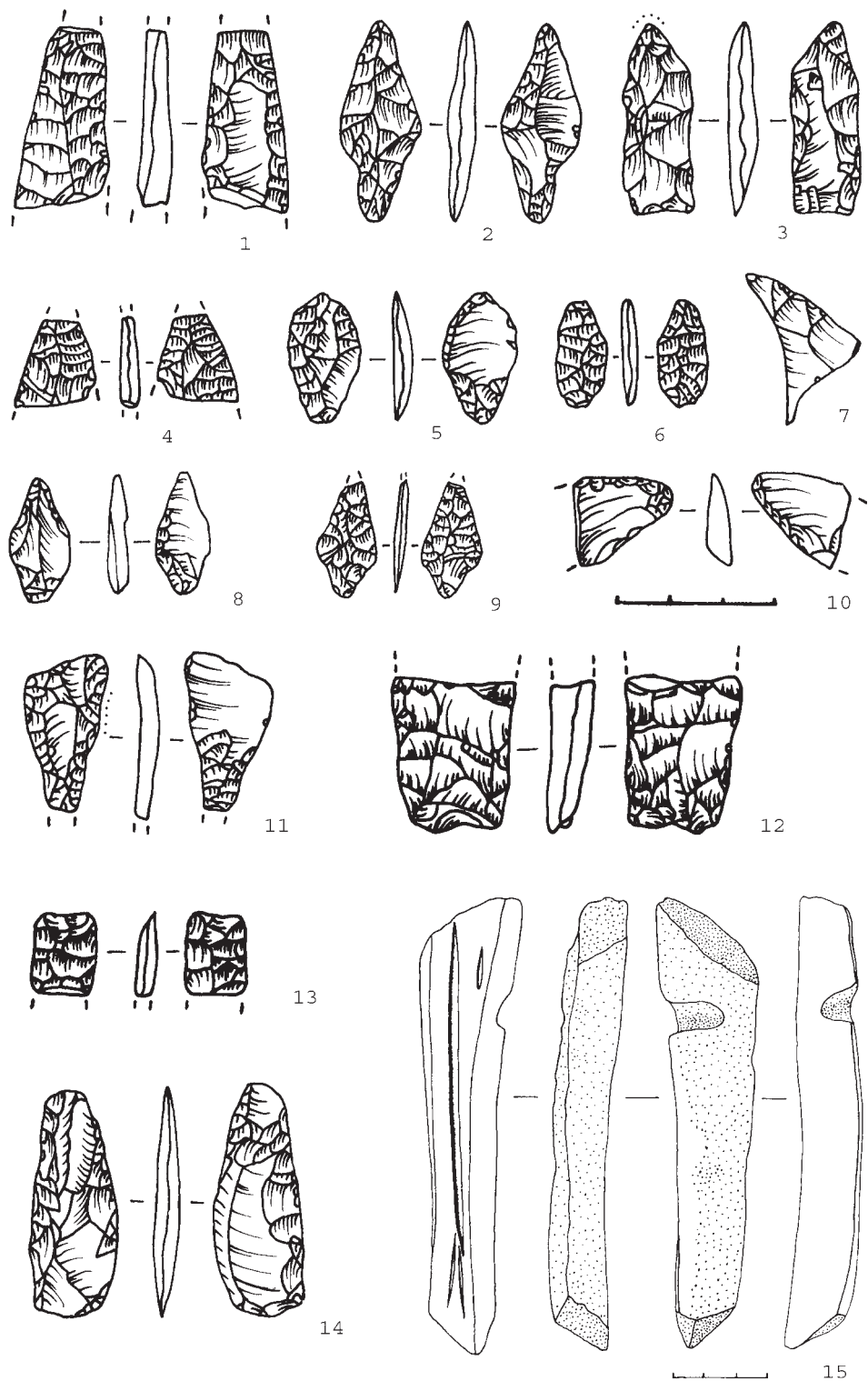

Рис. 3. Янкито-1. Каменные орудия. Коллекция № 7253.

1 — № 430, 2 — № 436; 3 — № 431, 4 — № 448, 5 — № 446, 6 — № 449, 7 — № 438, 8 — № 447, 9 — № 411, 10 — № 439, 11 — № 434, 12 — № 429, 13 — № 450, 14 — № 432, 15 — № 412.

В целом можно отметить, что в качестве заготовок для наконечников стрел выбирались отщепы небольших размеров. Сырье использовалось разнообразное. Изделия могли подвергаться как сплошному ретушированию, так и частичному оформлению определенных элементов.

Сверла представлены одним изделием (3,6×1,3×0,5 см). Судя по морфологии и обработке орудия, оно было переоформлено из наконечника стрелы. Одна поверхность его полностью покрыта фасетками разноразмерной ретуши, вторая имеет обработку только по периметру. Основание изделия почти прямое, с легкой выемкой (рис. 3:3). Боковые кромки в плане неровные. Трасологический анализ позволяет предположить, что данное орудие использовалось в качестве сверла для дерева — кончик его истерт на ребрах, заполирован, имеет слабые линейные следы, расположенные поперек лезвия.

Два орудия асимметрично овальной формы можно отнести к категории ножей. Заготовками для них служили отщепы из уррита. Орудия имеют общие технико-морфологические черты. Один боковой край оформлен крутой бифасиальной ретушью, другой, обработанный более пологой и более крупной ретушью, вероятно, был лезвием. Размеры орудий — 7,4×2,9×1,1 см (рис. 2:1) и 4,4×1,7×0,5 см (рис. 3: 14).

Следующие два изделия имели хорошо выделенные черешковые насады. Одно из них оформлено на крупном отщепе из мелкозернистой кремневой породы бледно-розового цвета (рис. 2: 4). Насад обломан, сохранившаяся часть оформлена бифасиальной пологой ретушью (4,7×3,3×0,9 см). Кромки орудия оформлены крупной пологой двусторонней ретушью. Трасологический анализ позволил установить, что одно из боковых лезвий имеет отчетливую сглаженность и заполировку со стороны вентрала. Очевидно, орудие использовалось для скобления твердого материала, скорее всего кости.

Второе орудие изготовлено на небольшом отщепе обсидиана (3×1,7×0,4 см). Насад оформлен двусторонней пологой ретушью, конец его также обломан. С дорсала орудие обработано по периметру пологой ретушью, величина углов боковых лезвий составляет 45—50°. Исследование артефакта с использованием микроскопа с увеличением в 56 раз показало наличие выкрошенности на выступающих участках кромки одного из лезвий, на вентральной поверхности видна характерная матовость (потертость). Вероятно, орудие использовалось для строгания дерева (рис. 3:11).

Еще одно изделие представлено фрагментом артефакта прямоугольной формы из обсидиана. Сечение линзовидное. Орудие обработано сплошной двусторонней ретушью (1,6×1,5×0,4 см). Поперечная кромка орудия имеет небольшую выемку, оформленную одной крупной фасеткой (рис. 3:13). Орудия похожей формы интерпретируются исследователями как вкладыши (см., например: Окладников, Деревянко, 1977, табл. 3:3; табл. 65:10; Деревянко и др., 1998, рис. LXIX, 2).

В следующую группу включены фрагменты отщепов с ретушью. Один из них можно условно определить как скребок (рис. 2:7). Рабочая часть орудия оформлена на проксимальном конце отщепа (3,9×4,6×0,7 см).

В обломках сохранилось еще четыре изделия. Три из них изготовлены на отщепках уррита. Одно орудие оформлено мелкой пологой ретушью по трем краям (4,7×3,6×1 см). Угол между плоскостью скалывания и ударной площадкой составляет 120° (рис. 2:5). Фрагмент второго изделия имеет крупную нерегулярную ретушь на брюшке (3,8×4,4×0,9 см). Сохранившаяся ударная площадка достаточно крупная (1,8×0,3 см), расположена под прямым углом к плоскости расщепления (рис. 2:6). Третий артефакт (3×1,7×0,5 см) представлен фрагментом рабочей кромки, оформленной плоской пологой ретушью (рис. 3:7). Фрагмент четвертого изделия (1,6×1,9×0,5 см) имеет противоположащую ретушь на кромках (рис. 3:11). В качестве заготовки был использован отщеп из мелкозернистой кремневой породы темно-розового цвета.

В коллекции представлен абразив удлиненной формы из песчаника (рис. 3:15). Две смежные грани сильно изношены, причем сглаженность заходит на естественную поверхность третьей грани. На одной из рабочих плоскостей расположены несколько разноразмерных желобков глубиной до 1 мм. Размеры орудия — 14,5×3×1,8 см.

В коллекции имеются девять отщепов и их фрагментов без вторичной обработки. Размеры варьируют от 1 до 3 см. Один отщеп выделяется своими размерами (5,6×3,9×1,1 см). Угол схождения брюшка и ударной площадки отщепа составляет 130°. Это единственный в коллекции отщеп с вертикальной оббивкой карниза.

В целом материалы сборов у первого ручья Янкито демонстрируют наличие бифасиальной техники, которая, однако, широко в данной коллекции не представлена. Наиболее обычна нерегулярная односторонняя и двусторонняя обработка кромок орудий. У нескольких изделий (шесть отщепов без вторичной обработки и четыре орудия) сохранились ударные площадки. В большинстве случаев угол схождения брюшка и ударной площадки составлял 105—130°, что свидетельствует о снятии этих отщепов с двусторонне обработанных орудий. Вероятно, что и некоторые мелкие орудия в коллекции, например, наконечники стрел, могли быть изготовлены из отщепов оформления бифасов (рис. 3:8, 10).

В двух случаях под микроскопом с увеличением в 56 раз на ударных площадках были зафиксированы лунки от ударов твердым отбойником, что свидетельствует об оформлении орудий ударной техникой с использованием твердого отбойника.

Исходя из технико-морфологических характеристик каменного инвентаря и учитывая, что весь материал происходит из подъемных сборов, можно предположить наличие, по крайней мере, двух культурно-временных комплексов. К раннему относятся тесловидно-скребловидное изделие, наконечники копий и наконечники стрел без черешкового основания. На наш взгляд, фрагменты ретушированных отщепов из уррита также можно включить в эту группу.

Абразив и группа черешковых наконечников, вероятно, относятся к более позднему комплексу. Необходимо отметить, что в качестве сырья для этих типов изделий использовались более качественные кремневые породы, в отличие от раннего комплекса, где преобладает ур-

тит. Хотя в коллекции отсутствуют шлифованные орудия, которые, судя по имеющимся публикациям, были характерны для известных неолитических памятников Курильских островов, наличие абразива свидетельствует о знакомстве жителей стоянки с данной техникой обработки орудий. Остальные изделия трудно определить в хронологическом отношении, так как они широко представлены в памятниках сопредельных территорий, относящихся ко всем периодам эпохи неолита. Таким образом, комплекс представленных артефактов не противоречит датам, известным для данного памятника.

Керамическая коллекция насчитывает 19 обломков керамических сосудов. За единственным исключением (фрагмент стенки тулова с орнаментом, близким к керамической традиции «охотской культуры» — № 413) все они представляют комплекс, выдержанный в технологическом и типологическом отношении.

Вся посуда изготовлена из глиняного теста с примесью травы. Характерные пустоты фиксируются как на поверхности фрагментов, так и внутри них. Содержание травы незначительное, хотя на разных фрагментах удельный вес травянистых включений мог варьировать. Помимо травы в тесте черепков отчетливо заметна мелкозернистая, довольно обильная примесь. Очень любопытно, что в тесте отдельных черепков встречаются включения яркой красновато-оранжевой охры или шамота, в том числе и довольно крупные (№ 417, 419). Цветовая гамма всех черепков темная, коричнево-серая или красновато-коричневая. Окрашены фрагменты равномерно, без каких-либо заметных пятен на поверхностях и в изломах.

В качестве интересных технологических особенностей керамики со стоянки Янкито-1 необходимо также отметить следующие признаки.

Во-первых, на поверхности большинства фрагментов фиксируются характерные следы, оставшиеся от выравнивания стенок твердым гребенчатым инструментом (рис. 4). Располагаться они могли как на внутренней, так и на внешней поверхности сосудов и представляли собой субпараллельные, узкие и плоские в сечении **трасы** с гладким ложем. Относительно вертикальной оси сосуда они были ориентированы либо горизонтально, либо под легким наклоном. Есть фрагменты, на которых такие трасы расположены под углом друг к другу (№ 418, 428, 795) или хорошо видны на одних участках поверхности, а на других полностью терялись (№ 418).

Во-вторых, на многих фрагментах фиксируется слоистость керамики. Так, в коллекции встречаются обломки стенок с отслоившимися участками поверхности толщиной около 2—3 мм и неровные, сглаженные очертания (№ 427, 415, 795) (рис. 4). Есть также стенки, полностью расслоившиеся на два пласта (№ 418). К этой же группе можно отнести и венчики, которые определенно изготавливались из двух пластов глины (№ 416, 421, 793).

По ряду технологических показателей коллекция керамики со ст. Янкито-1 разбивается на две группы: первая представлена фрагментами темного коричневатого-серого цвета с толщиной стенок 0,5—0,7 см (рис. 4:1), вторая — фрагментами красновато-коричневого цвета с толщиной стенок

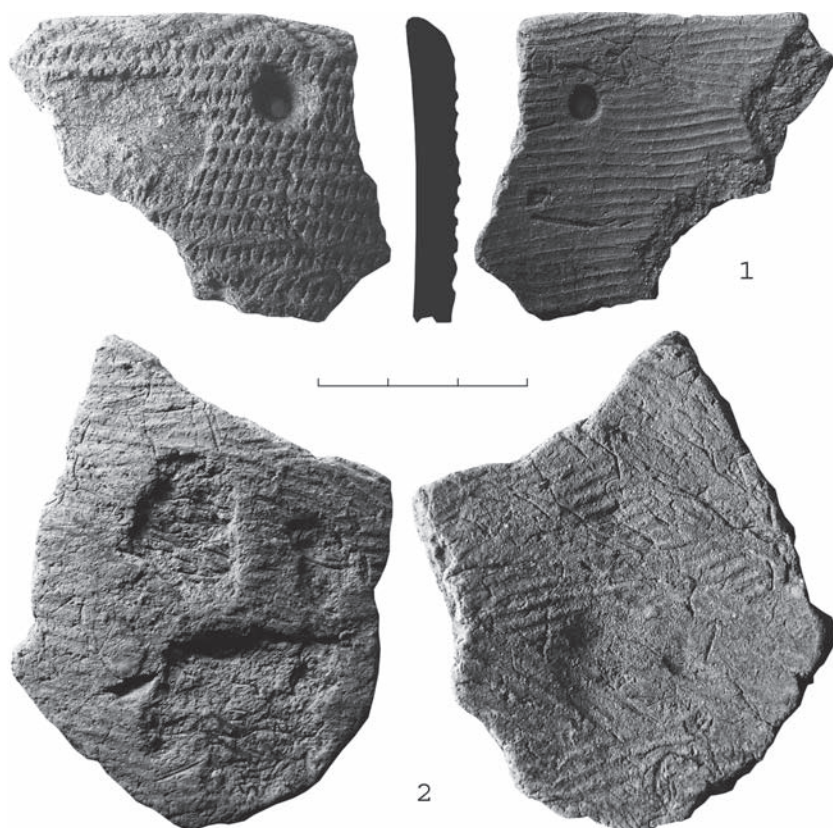

Рис. 4. Янкито-1. Керамика. Коллекция № 7253.
1 — № 427, 2 — № 795.

около 1 см (рис. 4:2). Все перечисленные технологические характеристики для обеих групп были общими.

Часть фрагментов керамики орнаментирована. Интересно, что орнамент зафиксирован только на керамике первой технологической группы (рис. 5). Выполнялся он путем тиснения. О характере инструмента сказать что-то определенное пока невозможно. По-видимому, это были какие-то разновидности «зубчатого ролика» или веревки, намотанной на палочку. В любом случае узор складывался из рядов слегка наклонных удлиненно-овальных оттисков, очень мелких, ровных, нанесенных через равные интервалы, в ряде случаев такие оттиски заполняли собой узкие гладкие желобки (№ 419, 792).

Орнамент начинался сразу у обреза венчиков узкой орнаментальной полосой из коротких наклонных линий, сдвоенных или одинарных, при этом наклон мог быть попеременно то в одну, то в другую сторону, образуя «горизонтальный зигзаг» (№ 427), ниже шел основной узор — сплошное поле горизонтальных линий. Далее композиция достоверно не восстанавливается. На одном из сосудов, например, ниже шло гладкое неорнаментированное пространство (№ 416, 421). Судя по другим фрагментам, узор мог продолжаться и представлять собой чередование горизонтальных и наклонных линий (№ 422, 417, 419). Но в любом случае, по-види-

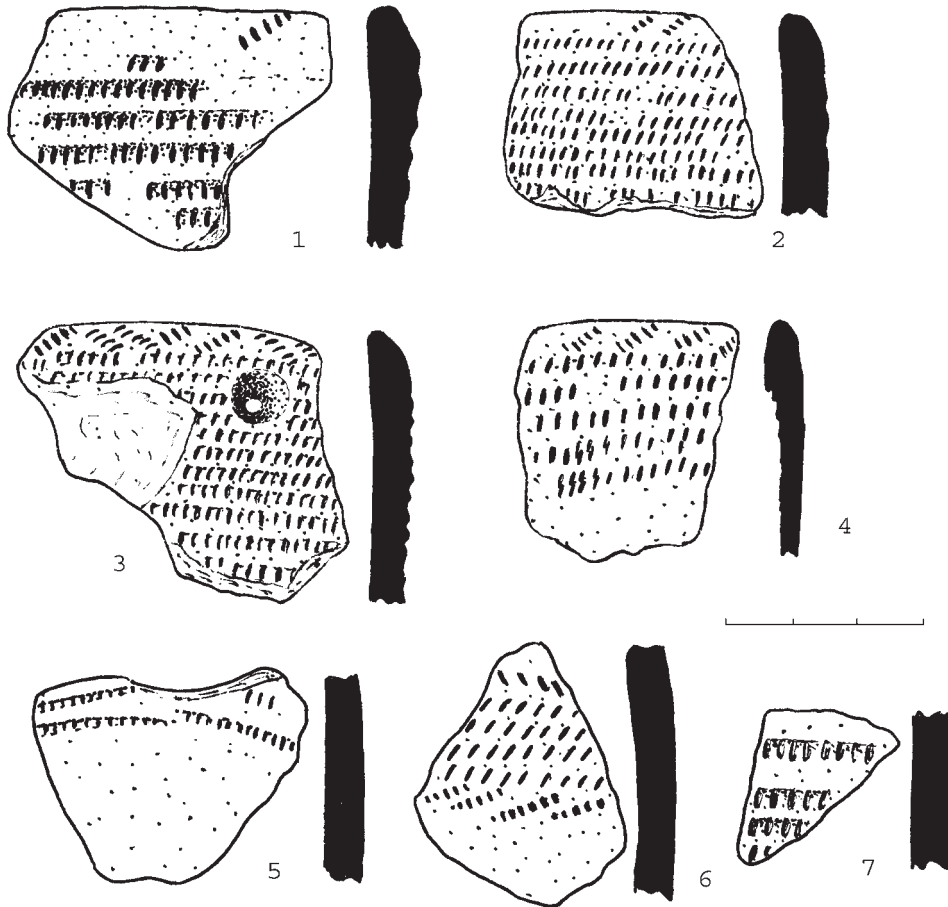

Рис. 5. Янкито-1. Керамика. Коллекция № 7253.

1 — № 792, 2 — № 793, 3 — № 427, 4 — № 416, 421, 5 — № 419, 6 — № 417, 7 — № 422.

тому, узор не занимал всей поверхности тулова и сосредоточивался только в верхней его части.

Формы сосудов достоверно не восстанавливаются. Судя по сохранившимся венчикам, стенки сосудов, очевидно, плавно суживались от устья ко дну, не образуя заметных искривлений контура. Венчики сосудов были либо прямыми, либо немного вогнутыми и имели округлые или чуть уплощенные обрезы. Доньшки в коллекции отсутствуют. Размеры сосудов небольшие, у двух из них диаметр устья 13—15 см, у третьего — около 20 см.

Для интерпретации керамики со ст. Янкито-1 важны три обстоятельства.

Во-первых, по мнению М.М. Прокофьева, керамика, собранная на ст. Янкито-1, относится к типу Урахоро и датируется периодом раннего дзедона. Свое определение М.М. Прокофьев обосновывает, ссылаясь на устные сообщения японских коллег и японские публикации (Прокофьев, 2003). Поскольку собственными усилиями найти керамику культуры дзедон, аналогичную той, что была обнаружена

на ст. Янкито-1, нам пока не удалось, поэтому оспаривать мнение М.М. Прокофьева весомых оснований нет.

Во-вторых, технологические характеристики керамики со ст. Янкито-1 удивительным образом совпадают с **технологическими** характеристиками керамики из памятников осиповского круга, расположенных на территории Приамурья (Гончарка-1, Хумми и др.). Таким образом, и в том, и в другом случае мы наблюдаем единый состав формовочных масс — это глина с минеральными примесями и незначительными добавками кусочков травы. Кроме того, в составе формовочной массы иногда встречаются редкие включения охры, на поверхностях сосудов фиксируются характерные следы, оставшиеся от выравнивания стенок твердым гребенчатым инструментом, причем морфология этих следов, особенности их нанесения совпадают до мелких деталей. В обоих случаях отмечается некоторая слоистость керамики, ее расслаивание на отдельные пласты глины. Отмеченные параллели позволяют включить керамику ст. Янкито-1 в рамки осиповской технологической традиции керамического производства. Специально отметим, что в данном случае сравнение проводится по тем признакам, которые ни по отдельности, ни тем более в совокупности не встречаются ни в каких иных комплексах юга Дальнего Востока России. До обнаружения ст. Янкито-1 эти черты были характерны только для круга памятников с так называемой «ранней» керамикой. И это, безусловно, следует учитывать при оценке проводимых нами параллелей.

В-третьих, подчеркивая **технологическое** сходство керамики осиповских памятников с керамикой ст. Янкито-1, нельзя не обратить внимания на то, что орнаментация той и другой керамики была абсолютно различна. При сравнении общих композиционных особенностей декора и способов его нанесения видим, что керамика со ст. Янкито-1 может быть сопоставлена с большим кругом памятников бассейна Японского моря раннего и среднего неолита. В этом отношении, в первую очередь, следует учесть узкий орнаментальный фриз из наклонных линий или горизонтального зигзага, начинающий декоративную композицию на сосуде, и общий горизонтально-линейный принцип построения декора. На территории Приморья и Приамурья такие черты характерны для бойсманской, раннезайсановской и мальшевской культурных традиций.

Отмеченные наблюдения позволяют сделать ряд интересных выводов предварительного характера. Общая характеристика керамического комплекса ст. Янкито-1 не противоречит ее соотнесению с теми датами, которые были получены для этой стоянки, и все вместе это свидетельствует, что ст. Янкито-1 может рассматриваться как первый памятник раннего неолита Курильских островов.

Для последующих исследований представляется перспективным выявленное нами сходство технологической традиции изготовления керамики на ст. Янкито-1 и в памятниках осиповского круга Нижнего Амура. Учитывая значительную разницу в датировках сравниваемых комплексов, можно говорить, по-видимому, о чрезвычайной устойчивости осиповской технологической традиции керамического производства и ее широком распространении в бассейне Японского моря. Появившись впервые на

Амуре в рамках XIII тысячелетия, она доживает, по крайней мере, на Курильских островах, вплоть до начала VII тысячелетия.

Если принимать во внимание определение керамики со ст. Янкито-1 как раннедзёмонской, с одной стороны, и ее принадлежность к осиповской технологической традиции керамического производства — с другой, то получается, что керамика культуры дзёмон в какой-то своей части формировалась на той же технологической основе, что и керамика осиповской культуры.

Таким образом, материалы ст. Янкито-1 приобретают исключительное значение и с точки зрения выделения этапа раннего неолита на Курильских островах, и с точки зрения решения некоторых общих вопросов культурогенеза в бассейне Японского моря. Поэтому было бы чрезвычайно важно продолжить исследования, тем более, что в отличие от многих памятников Курильских островов на этой стоянке сохранился культурный слой.

ЛИТЕРАТУРА

- Боднев И.А. Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001. С. 11—41.
- Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск, 1999.
- Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск, 1988.
- Гуляев В.И. Отчет о работах курильского археологического отряда на о. Итуруп (Курильские острова) Южно-Сахалинской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, д. 10634, 10634 а.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск, 1998.
- Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В., Спешаковский А.Б., Прокофьев М.М. Абсолютная хронология древних поселений Курильских островов // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: тез. выступлений на Вторых археол. чтениях, посвящ. памяти Р.В. Козыревой. Южно-Сахалинск, 1989. С. 24—28.
- Кнорозов Ю.В. Селения айнов на Итурупе // Красный маяк. 1990 а. 11 окт.
- Кнорозов Ю.В. Усодержатели // Красный маяк. 1990 б. 29 сент.
- Кнорозов Ю.В. Селения айнов на Итурупе (по материалам экспедиции 1989 г.) // Материалы полевых исследований. 1988—1989. СПб., 1992. С. 175—178.
- Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сасаки Т., Матсумото Ш., Ито Ш. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1998.
- Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
- Прокофьев М.М. Керамика раннего дзёмона с Южных Курил // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2003. № 1. С. 89—95.

SUMMARY: The authors of the article “About the Early Neolithic Age on the Kuril Islands: Yankito-1 Site” analyze artifacts from Yankito 1 Site stored in Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg). The important result is the revelation some early features of ceramics and stone implement gathered many years ago at the destroyed part of the site. Coupled with known radiocarbon dates for this site it allows to mark out Early Neolithic stage on the Kuriles and approach to solution of some general problems of culture evolution in Japan sea basin.